

Александр Эртель

Криворожье

Александр Иванович Эртель

Криворожье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661825

А. И. Эртель. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«— А поедемте-ка мы с вами в Криворожье, — сказал мне однажды сосед мой, Семен Андреич Гундриков, — есть там у меня мельник знакомый, человек, я вам скажу, скотоподобнейший! Так вот к мельнику к этому...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Александр Иванович Эртель Криворожье

– А поедемте-ка мы с вами в Криворожье, – сказал мне однажды сосед мой, Семен Андреич Гундриков, – есть там у меня мельник знакомый, человек, я вам скажу, скотоподобнейший! Так вот к мельнику к этому...

Я согласился, и мы отправились с господином Гундриковым в Криворожье.

Стояла засуха. Недели три как уже не было дождя. Солнце с убийственной жгучестью палило землю; на знойном небе целыми днями не показывалось ни одного облачка. В раскаленном воздухе пахло гарью. Хлеба выгорали. Налив ржи приостановился на половине, и в тощем, бледно-желтом колосе уже подсыхало сморщенное, изможденное зерно. Яровые стали. Овсы, не поднявшись еще и на пол-аршина от земли, уже поблекли и начинали желтеть. Просяные поля уныло отливали своими бледно-зелеными преждевременно вымевшимися кистями. Мурава на выгонах и отава на покосах высохла наподобие какой-то щетины и подернулась неприятной желтизною. Паровые поля, выбитые скотиной, уж не зарастали вновь травой: только колючий татарник да корявый бурьян кое-где разнообразили эти поля, высохшие, как

камень, и пыльные, точно столбовая дорога.

Мы выехали не рано, и жара была страшная. Неподвижный воздух, проникнутый нестерпимой жгучестью, томительно стеснял дыхание. Горячее безоблачное небо тусклым и тяжелым сводом распростиралось над землею. Вдали хмурыми синеватыми тучами стоял зной, и заманчивой полою струилось марево. Дальние поселки и кусты, охваченные этим маревом, казались островами, плавающими в волнистом, чудно-изменчивом море. Выжженные солнцем нивы печально стлались по равнинам, широко разбегавшимся вокруг нас. Невесело было глядеть на эти нивы... Редкая, порывавшая рожь не поникала к земле тощим своим колосом, как поникает она в пору урожая, а как-то вяло и беспомощно устремлялась кверху и, при малейшем дуновении ветерка, металась во все стороны, путалась и ломалась. Яровые изобиловали бурьяном и полынью.

Стада, кое-где попадавшие нам навстречу, еще более усиливали тоскливую неприглядность полей. Коровы с осунувшимися боками и ребрами, выпиравшими из-под кожи наподобие обручей, уныло и беспорядочно бродили, тщетно разыскивая корм и печально оглашая воздух жалобнейшим ревом. Овцы с каким-то тупым и бессмысленным равнодушием сбивались в тесные кучи, изо всех своих сил напирая друг на друга и наполняя тишину тяжким сопением. Редко около стад виднелся пастух. Казалось, и пасти-то голодающий скот находили излишним.

Впрочем, раз мы заметили и пастуха. Он лежал возле межи, в значительном отдалении от своего тоскующего стада, и безучастно оглядывал окрестность. Когда экипаж наш поравнялся с ним и треск колес достиг до его слуха, он лениво повернул голову, обвел нас каким-то как бы ословелым взглядом и снова устремил этот взгляд в скучное пространство. Он был сед и худобою уподоблялся скелету.

Серая пыль толстым слоем лежала по дороге. За экипажем нашим пыль эта вилась целой тучей и, вероятно, издали мы представляли некоторое подобие вихря. Иногда пыль вздымалась к небу и настоящими вихрями, неведь откуда налетавшими на сонное поле. Тогда высокие серые столбы быстро крутились и ходили по дорогам. Это придавало печальным равнинам особый характер какой-то пустынной и мрачной величавости. Под суровым веянием такой величавости человек умалется. Сила стихий кажется ему роком. Самонадеянность покидает его.

Тяжело было. Язык сохнул; пот обливал тело; ноги и руки отказывались служить. Иногда неподвижный воздух колебался и тихий ветер волновал зной. Тогда, казалось, по лицу пробегала огненная струя и вас обнимала адская температура.

Встречались нам деревни. Обыкновенно, несмотря на время, свободное от полевых работ, они поражали пустынностью. Въезжая в них, казалось, въезжаешь на кладбище. Мертвая тишина, стоявшая на улицах, особенно способство-

вала этому уподоблению. Все живое как бы приникло где-то. Правда, иногда на завалине сидела какая-нибудь воплощенная дряхлость, а около изб копошились ребятишки. Воплощенная дряхлость встречала и провожала нас мутным взором, в котором только и выражалось, что тупое и какое-то неопределенное равнодушие. Ребятишки почти не интересовались нами и, вопреки всякого обыкновения, не травили нас собаками. Даже собаки, и те бродили по улицам с какою-то покорною унылостью и если брехали, то брехали как бы по привычке, нехотя и рассеянно.

Кабаки были пусты. У одного – мы видели толстопузого кабатчика, отиравшего пот с красного лица своего красным ситцевым платком и со скорбью озиравшего приникшую деревню; у другого – худенькая и костлявая целовальничиха сушила на солнце рожь, то и дело подбегая к околице и с каким-то беспокойством оглядывая пустынную улицу. Она, вероятно, боялась воров. Только у дверей третьего кабака увидели мы потребителя. Опираясь руками о притолку двери и широко расставив ноги, он обратил к полю лицо, по которому, мешаясь с пылью, ползли слезы, и пьяным, нескладным голосом орал песню, перемежая ее то руганью, то упреками кому-то. Среди гнетущей тишины, царящей окрест, песня эта казалась чем-то странно-диким и наводила на душу невыразимое уныние.

И жара, и поля, сожженные солнцем, и невеселые встречи, – все это ужасно утомляло. Я не раз раскаивался в поезд-

ке. Семен Андреич тоже сидел возле меня если не грустный, то мрачно сосредоточенный и вообще недовольный.

Но вы еще не знаете Семена Андреича. Пока мы жаримся на палящем июньском солнце, пока вздыхаем и молчим и с тоскою озираем скучные равнины, бесконечной пеленою бегущие нам навстречу, я познакомлю вас с ним. Он не молод, имеет лицо, подобное груше, и подбородок, подпираемый несколькими этажами слоистого жира. Он широк в кости, приземист и смотрит ясно. Эта ясность порою конфузит. Неприятно ощущать в человеке отсутствие недоразумений. В Гундрикове недоразумений не было. Это была замечательная голова. Он давно еще, в незапамятные времена своей юности, подвел итоги, вывел баланс, устранил всевозможные «иксы» и теперь поживает себе, ничем не смущаем.

Он коллежский асессор и любит, чтобы на адресах величали его «вашим высокородием».

В практической своей жизни он подчиняется судьбе. Это успокаивает. Обыкновенно он не силится *уразуметь* факты, он их только констатирует. Околевают ли у него овцы,дохнут ли дорогие заводские лошади, пропадает ли пшеница, он на все на это наклеивает подлежащие ярлычки и сдает в архив. На практике ум его не ведает обобщений. Каждый факт, имеющий место в практической, обыденной жизни, представляется ему фактом уединенным и беспричинным.

Он любит нюхать табак и нюхает очень хороший. Когда нюхает, то не чихает, а как-то особенно внушительно пово-

дит носом. Впрочем, он и вообще внушительен. Движения его медлительны и плавны. Это, однако ж, не исключает способности его горячиться. В противность плавным и медлительным движениям, говорит он и не плавно и не медлительно. Мера гороху, просыпанная на лист железа, дает некоторое уподобление его речи.

Он – управляющий гг. Дурманиных. Гг. Дурманины живут за границей. Они довольны Гундриковым. Гундриков не ворует (то есть не ворует нагло). Гундриков хотя упорно отрицает интенсивное хозяйство, зато, не гоняясь за журавлями в небе, крепко держит в руках синицу. Дурманинские мужики по его милости на малом наделе. Кроме того, их окружают господские земли. Видали ли вы мышонка в когтях у кошки? Гундриков справедливо полагает, что при таких условиях интенсивное хозяйство излишне. Оно требует затрат и лучших климатических условий. Вместо этого баснословно дешевым трудом он возделывает трехполку.

Как и подобает коллежскому асессору – он горд. За вечным отсутствием гг. Дурманиных спина его закаменела. Поклоны его были величественными поклонами. Пожатие своей руки, в простоте, душевной, он считал милостью. Другой мой сосед, Чухвостиков, величал его Навуходоносором¹. Чудак!

¹ *Навуходоносор* II – вавилонский царь (604–562/561 до н. э.). В 586 году до н. э. взял Иерусалим, разрушил его. Воздвиг в Вавилоне ряд дворцов и храмов и «висячие сады» (так называемые «Сады Семирамиды»), причисленные античной традицией к «семи чудесам света».

Впрочем, Семен Андреич справедлив. С его стола не сходят судебные уставы 1864 года (в роскошном переплете и с надписью золотом: *Правда и милость да царствуют в судах*). Все, что он делает, делает он не иначе, как на основании надлежащих статей. Он любит точность. Он не берет лишнего, но берет по закону. Если в условии с мужиком помещена неустойка в пятьдесят рублей, он довольствуется пятидесятью. «Я люблю правду», – говорит он в таких случаях. Это мирит его с тем, что он имеет привычку называть своею совестью.

Семен Андреич считает себя хорошим человеком. Он даже добр. Сынишка его в классической гимназии, а у дочурки имеется французенка с легитимистским направлением. Он вдовый и нанимает экономку.

И однако как теоретик он – фантазер. В противность его обыденным понятиям, факты в *теории* обобщаются у него с поразительным легкомыслием. Вот почему проекты, один другого нелепей и один другого затейливей, кружат его голову, чуть только он отрешится от действительности. Проекты преимущественно касаются политики. В свободные минуты любимым занятием Семена Андреича бывает раскрашивание географических карт. Пером на белой бумаге он обводит силуэт Европы и Азии и затем произвольно проводит границы государств. Россию он окрашивает в желтое (цвет рублевой бумажки). Желтая краска простирается на картах Семена Андреича от Пекина до Константинополя. Семен Андре-

ич патриот и не жалеет желтой краски. Но он скупится на синюю. Синяя означает немцев. Немцев он не любит. Немцам было тесно на его картах. Стиснутые между долиной Шпрее и Рейном, бедняги задыхались. Густая желтизна за-полоняла их придунайские, галицкие и познанские уголья. Эта желтизна доходила вплоть до Берлина. «Все это наше исконное», – говорит Гундриков и ссылается на победы императрицы Елизаветы².

К французам он благоволит. Им он отдает все – от Альп и до моря, от Рейна до Пиренеев. «Пушай их!» – благодушествует он, а когда доброту его устрашают коммуной, то грозно хмурится и тычет указательным перстом на синюю неметчину. В неметчине он олицетворяет будочника.

Турок почти вовсе отсутствует на картах Семена Андреича. Только после тщательных наблюдений вы могли бы заметить зеленый треугольник, изображающий Турцию. Треугольник этот величиною не превосходит блоху и ютится где-то в глубине каменной Аравии, позади ярко желтеющей Палестины.

И, между тем, фантастичность политических помыслов Семена Андреича не исключала ясности. Принципиальная сторона раскрашивания не затемнялась недоразумениями. Как правда и совесть воплощались для Гундрикова в та-

² «...победы императрицы Елизаветы». – Имеются в виду победы русской армии над войсками прусского короля Фридриха II в Семилетней войне (1856–1863).

кой-то статье «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», так равно и фантазия его имела строго и, главное, однообразно установленные пределы. «Все нам: нам моря и реки, нам Прагу и Константинополь», – вот что составляло практическую подкладку Семен-Андреичевой фантазии и служило ей пределами. Повторяю, и здесь для него не существовало недоразумений. Вопрос казался ему ясным, наподобие годового конторского отчета.

Надо отдать ему справедливость, он имел чутье. Он был немножко славянофилом. Он один из первых оценил «Новое время»³. Я помню его радость по этому поводу.

...Но возвращусь к рассказу.

Итак, я молчал, а Семен Андреич сидел возле меня мрачно сосредоточенный и недовольный. Уж на половине дороги, когда мимо нас бежало просяное поле, страшно скудное и страшно поросшее сорными травами, спутник мой встрепенулся и нарушил молчание:

– Да. Так я вот и говорю... (он до сих пор ничего не говорил) все так-то у нас!.. Австрия ежели претерпевает, мы

³ «Новое время» – газета, выходившая в Петербурге с 1868 по 1917 год, крайне реакционный орган, пропагандировавший великодержавный шовинизм и антисемитизм. Ленин писал: «Новое Время» Суворина – образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 251). // Эртель разделял ненависть революционно-демократического лагеря к «Новому времени». В одном из неопубликованных писем к М. В. Огарковой он так характеризует эту газету: «Новое время. Совершенно подлая газета... Щедрин описал ее под видом „Помои“».

ее выручаем, Францию тоже выручаем, а вот страдает свой брат, мы и ухом не ведем...

– Это вы насчет чего же? – спросил я, несколько удивленный темой разговора.

– А насчет славян все... Вы не поверите: сердце болит!.. Помилуйте-с, страдают, гибнут, дерутся, а мы... Мы молчим!.. Скорбит, Николай Василич, скорбит душа моя...

– Что же нам, по-вашему, делать?

– Нам-с? Хе-хе... Дела наши простые-с... Дела наши очень даже незамысловатые должны быть-с. Глядите сюда, я вам сейчас это объясню. Вот Дунай, смотрите! – Семен Андреевич выставил свое жирное колено и многозначительно хлопнул по нем рукою. – Это будет Дунай. Теперь ваше колено пускай означает Константинополь. Вот Австрия. Вот Азия. – Гундриков указал на козлы, где восседал кучер Григорий, и на край тарантасного кузова. – Отлично-с. Теперь представьте себе армию в восемьсот тысяч человек. Представили? Очень хорошо. Делим эту армию надвое: пятьсот тысяч отдаем Черняеву, триста – Комарову. Не забывайте, что это Дунай, подтвердил Гундриков, хлопнув по колену. – Теперь соберите вы все восемьсот тысяч в один стан...

– Где же?

– Ну, где-нибудь, ну, положим, в земле Войска Донского; это будет земля Войска Донского, – он указал на конец своего прекрасно вычищенного сапога. – Я, разумеется, за идею. Масса, так сказать, должна быть вдохновлена. Итак, я всепо-

корнейше обращаюсь к Иван Сергеичу и к Алексей Сергеичу. Действуйте, Иван Сергеич и Алексей Сергеич! – говорю я... И тот и другой набирают массу славянофилов и прибывают в стан. Там уж повсюду, знаете ли, хоругви, эстрады («вышки» – в скобках перевел Семен Андреич), колокола, крики «ура» и «живио». Прекрасно. Начинаются речи. Идея проникает солдатские организмы. Представьте себе, армия движется одним чувством идти и умереть. Пользуюсь моментом. Эй, цвей, дрей, налево кругом, ма-арш!.. Не забывайте, что это Дунай, – еще раз напомнил мне Гундриков, указывая на колено. – Армия идет, Комаров идет, Черняев идет, Иван Сергеич и Алексей Сергеич говорят речи, музыка гремит «Слався сим Екатерина» (непреренно «Слався сим», – настоятельно повторил он), – хоругви развеваются по ветру, солдаты ликууют... Дунай! Черняев перешагнул, Комаров в резерве. Турки бегут. Австрия разбита (о, эта Австрия большая каналья). Славяне освобождены. Акт присоединения торжественно совершается в святой Софии. Иван Сергеич – наместник Болгарии, Алексей Сергеич – сатрап Македонский... Помилуйте-с, превозвышенные дела!

Пекло так сильно, что мне и возражать не хотелось. Я промолчал. А между тем Гундриков горячился. Он засел на любимого конька и теперь летел на нем, не смущаемый жарою.

– Помилуйте-с, что же это такое! – восклицал он. – Двадцать лет, целых двадцать лет мы сидим дома... Ведь у нас совсем и слава извелась... Да, положительно перевелась сла-

ва. Что мы, в самом деле, или уж взаправду мужицкое царство? Нет, не мужицкое мы царство, а царство военное-с, и на этой точке стоять должны твердо...

– Что же по-вашему – воевать?

– Воевать! – воскликнул Семен Андреич. – Всенепременно воевать!.. С нашим народом да не воевать? Помилуйте-с... С нашим народом и дел других подходящих нету, кроме как воевать... Представьте себе, что такое наш народ? Да железо, кремь, устой гранитный!.. Вспомните, что Наполеон о солдате-то нашем сказал? а!.. А вы толкуете...

И, помолчав, продолжал даже с некоторой сладостью:

– Нет, Николай Василич, наш народ знать надо-с!.. Ох, до тонкости нужно знать наш народ!.. Суворовы, Филареты⁴, Погодины⁵, – это, батенька, не шутка. Наполеон говаривал, что-де поскребите русского, татарин будет. Нет, брат, поскреби-ка его, попытайся – ан и увидишь, герой в нем сидит... В каждом русском, в каждом мужике сиволапом герой сидит!..

В это-то время мы поравнялись с тем кабаком, у дверей которого пьяный мужик орал песню.

– Вот вы глядите на него, – указал мне Гундриков, – пьян до того, каналья, на ногах чуть держится, а дайте-ка вы ему

⁴ *Филарет* (1782–1867) – митрополит московский, ярый реакционер, автор катехизиса и ряда статей, проповедей, поучений. Славился красноречием, составившим ему громкую известность в реакционных кругах.

⁵ *Погодин* Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, публицист, писатель, являлся защитником реакционной теории «официальной народности».

штык в руки да закричите «ура»? – он вам не токмо турка, черта протурит в Азию... Ведь чем он дорог, русский человек? Простотой своей, батенька, дорог. Теперь возьмите вы солдатскую точку зрения. Представьте вы солдата-немца. Хорош солдат-немец, да привередлив больно. И елку ему, шельме, устрой, и сапоги с подметками предоставь, и колбасой его, ракалиона, начини... Совсем неподходящий человек!.. Ну, и представьте себе – француз. Француз тоже прихотливый человек. А ведь нашему-то чем меньше жратвы давать, тем он ядовитей становится!.. Соли у него нет – порохом солит, мяса нет – конину кушает. Сухарь ежели с песком у него – он храбр, а ежели окончательно гнилой – он еще храбрее. Вот ведь чем дорог-то он, русский человек, – логикой-то своей он дорог! Совсем необыкновенная у него логика. Так с этаким человеком да не воевать – помилуйте-с!.. Я и говорю: воюй, покуда не изнежился он, покуда сапог да колбасы не запросил... и это пуще всего!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.